

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

A stylized, handwritten signature in black ink. The signature is composed of several loops and a long, sweeping horizontal line that extends to the right.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Тамара Крюкова

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Рассказы

Художник Г. Мазурин

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2007

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К85

*Книга — лауреат премии IV Всероссийского
конкурса произведений для детей и юношества
«Алые паруса»*

Крюкова Т. Ш.

К85 Невыученные уроки : рассказы / Тамара
Крюкова ; рис. Г. Мазурина. — М. : Дет. лит.,
2007. — 96 с. : ил. — (Школьная библиоте-
ка).

ISBN 978-5-08-004302-4

В книгу вошли веселые рассказы о современной
школе.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-004302-4

© Крюкова Т. Ш., 2007
© Мазурин Г. А., иллюстрации, 2007
© Оформление серии. ОАО «Издательство
«Детская литература», 2007

КЕМ Я НЕ СТАЛА, ИЛИ КАК Я ПРИШЛА К ПИСАТЕЛЬСТВУ

У меня было счастливое детство. Я родилась в городе Орджоникидзе, который сейчас называется Владикавказом. У нас был дом с чудесным двориком. Мой дедушка развел там такой цветник, что полюбоваться им заходили даже незнакомые люди. Дедушка был не только моим другом, но и первым учителем. Мы часто играли в школу. Так в три года я научилась читать и писать, а еще перестукиваться азбукой Морзе. Впрочем, этот навык я потом потеряла. Так из меня не получилось радиста.

Моя бабушка была кладезем народной мудрости. Ни от кого я не слышала таких самобытных выражений и поговорок. Благодаря ей герои моих сказок говорят таким колоритным языком. Бабушка была человеком широкой души. Она даже разрешала мне чертить мелом классики прямо на полу, когда я болела и с завистью смотрела на скачущую на улице детвору.

В шесть лет я открыла для себя сказочный Изумрудный город и страстно мечтала попасть в него, как Элли. Узнав, что Канзас находится в Америке, а Земля круглая, я решила прокопать подземный ход прямо до волшебной страны. Чтобы дело пошло быстрее, я организовала команду единомышленников. Рыть мы начали в укромном уголке двора. К сожалению, на третий день родители обнаружили яму и, не разобравшись, что это будущий тоннель до Америки, велели свернуть все работы. Так из меня не получился землепроходец.

Однако передо мной открылась новая перспектива. Меня записали в кружок балета. Я обожала красоваться в пачке и щеголять пуантами. Но когда я пошла сразу в две школы, в обычную и музыкальную, танцы пришлось оставить. Так я не стала балериной.

Мой папа был учителем музыки, но мне не доставляло удовольствия корпеть над гаммами. Проиграв заданные этюды кое-как по разику, я бежала на улицу. Так из меня не вышла пианистка.

Еще до школы папа научил меня играть в шахматы. Помню свой первый триумф. Как-то я наблюдала

за игрой больших мальчишек — аж из третьего класса. Видя, что один из них проигрывает, я подсказала ему ход. Мальчишки отнеслись ко мне скептически, и тогда я по очереди обыграла каждого из них. До сих пор помню, как они опешили. А потом мы с папой изобрели игру «шахматные поддавки». Она была очень забавна. Но навык просчитывать ходы и придумывать комбинации, увы, пропал. Так я не стала гроссмейстером.

Мама у меня была большая искусница. Она научила меня вязать на спицах и крючком. Позже я освоила кройку и шитье. Дизайн до сих пор является моим хобби. Правда, я изобретаю одежду только для себя и по вдохновению. Поэтому я не стала модельером.

Недалеко от нашего дома находился городской Дом пионеров. Мы с подружками записались в кружок лепки. Там я научилась работать с глиной и делать настоящие статуэтки. Три мои работы взяли на выставку. На второй день выставки украли одну статуэтку, а потом — и другую. После чего я забрала третью поделку и гордо удалилась. Так из меня не получилось скульптора.

А потом я пошла в школу. Учеба давалась мне легко. Я училась на «отлично» и принимала участие во всех школьных мероприятиях. На мои дни рождения собиралась весьма разношерстная компания: и отличники, и отпетые двоечники. Из чувства справедливости я звала в гости и тех, кого никто никогда не приглашал.

А потом началось увлечение романами Дюма, Майн Рида и Жорж Санд. Мы буквально зачитывались ими и сочиняли свои истории про дворцы, дуэли, потайные ходы и подметные письма. Это было коллективное творчество. Одна начинала, а другая подхватывала рассказ. В тринадцать лет я увлеклась декадансом и стала писать стихи о смерти и несчастной любви. Мечтала ли я стать писателем? Конечно нет. Я считала, что писатели — это какие-то особенные люди. У меня даже и мысли не возникало, что обычный человек, как я, может стать писателем. Впрочем, в глубине души я уже тогда чувствовала свое предназначение. В седьмом классе я прочитала роман Джека Лондона «Мартин Иден». Он так потряс меня, что надолго стал моей настольной книгой.

Старшеклассницей я почти определилась со своим призванием. Я училась в математическом классе и решила поступать в технический вуз. Но вдруг по недоразумению я получила на экзамене по алгебре четверку. Первое огорчение сменилось озарением: если из меня не выйдет Софьи Ковалевской, то не стоит и напрягаться. Так я не стала математиком.

Я выбрала факультет иностранных языков, потому что это было модно, но выбор оказался верным. Многие мировые бестселлеры я прочитала значительно раньше, чем они были переведены на русский язык. Поступила я в университет чудом. Просто повезло. Но когда начались занятия, я поняла, насколько слабы мои познания в английском. Первые два курса дались мне нелегко. Я не привыкла ходить в отстающих, поэтому много трудилась, чтобы догнать лучших студентов и быть в их числе. Потом стало легче. А после окончания университета меня направили переводчиком в Египет.

Чтобы скрасить выходные, я ездила в качестве гида с нашими специалистами в Луксор и Дендеры. В одном из храмов Луксора я обнаружила уникальную комнату-гербарий, где на стенах выбиты рисунки растений нашей средней полосы, которых нет в Египте. Но особенно я любила Дендеры. Храм Клеопатры редко посещают туристы, хотя он, на мой взгляд, самый интересный. Чего там только нет! Темная комната, которая освещается лишь раз в сутки на 15 минут. Лестничные часы, по которой можно узнать время. Подземелье, где, по преданию, погибла Клеопатра. Вооружившись огарком свечи, я полезла его обследовать в гордом одиночестве. Когда под низкими сводами узких коридоров я добралась до места, где можно было встать в полный рост, я вдруг услышала шум. От сквозняка погасла свеча. Кто-то коснулся моей щеки и вцепился в волосы. Я в крошечной тьме рванулась к выходу. На мой крик прибежал смотритель со светильником. Оказалось, я испугнула стаю летучих мышей. Впоследствии этот эпизод послужил идеей моей приключенческой повести «Хрустальный ключ».

Вернувшись из Египта, я вышла замуж и переехала в Москву. Так завершилась моя карьера переводчи-

цы. Некоторое время я преподавала английский в одном из столичных вузов, но там не задержалась. Мы с семейством уехали в Южный Йемен. Там-то и начался мой писательский путь.

Это случилось во время разразившейся в стране гражданской войны. Наше посольство оказалось в центре военных событий. Все были смертельно напуганы. Чтобы успокоить своего маленького сына, я собрала детей и стала на ходу придумывать им сказки. Скоро жен и детей работников посольства эвакуировали. Наш пятилетний сын проявил чудеса мужества и добрался до Москвы один, без нас. Я осталась с мужем. К счастью, кровавые события скоро закончились, но из предосторожности детей возвращать повременили.

Вот тогда я и начала сочинять для сына повесть-сказку и отправлять ее в письмах в Россию. А потом я узнала, что на чтение очередной главы собираются и дети, и взрослые — все от мала до велика. Так за полгода из писем получилась книга — «Тайна людей с двойными лицами», которая в 1989 году вышла в северо-осетинском издательстве «ИР». Я держала в руках экземпляр моей первой книги, и мне казалось забавным, что люди подумают, будто эту книгу написал настоящий писатель, а это всего-навсего я.

А потом были десять лет кропотливой работы над стилем, над словом, тома прочитанных книг, хождения по издательствам, отказы, восторженные рецензии, надежды и снова отказы. Порой я впадала в отчаяние, но, как барон Мюнхгаузен, за косичку вытаскивала себя из болота безнадежности и снова продолжала писать. Повесть рождалась за повестью. Я писала не в стол. Я всегда писала для читателей.

Были ли в моей жизни трудности? Сколько угодно. Но это уже другая история, такая длинная, что здесь для нее места не хватит.

Я пишу для детей, чтобы передать им ту доброту, любовь и улыбки, которыми меня щедро наградило мое детство. Я хочу, чтобы ребята полюбили этот мир так же, как люблю его я.

Тамара Крюкова

ЧЕЛОВЕК НОВОГО ТИПА

Наступили суровые времена: Леха взялся за ум. Все началось с того, что папа, придя с очередного родительского собрания, сурово сказал:

— Не умеешь заниматься хорошо — занимайся много. Стыдно на собраниях сидеть.

— Вот Женя — круглый отличник, а нашему только по улице гонять, — поддакнула мама.

Честно говоря, поначалу Леха не расстроился. Он думал, что родители поругают его немного, как это принято после родительского собрания, и на том дело закончится. Учился-то он нормально: в четверти ни одной двойки, все честно заработанные твердые тройки, а по пению даже пятерка. Но не тут-то было. Папа взял с него слово, что он будет выходить на улицу только после того, как выучит все уроки, и Леха засижи-

вался над учебниками допоздна. Казалось, никогда еще им не задавали так много.

«Ничего, вот зачашну без воздуха, тогда спохватятся, да поздно будет», — мстительно думал Леха. Время от времени он подходил к зеркалу и проверял, не показались ли признаки изможденности на его лице, но, к его величайшему огорчению и разочарованию, круглая розовощекая физиономия была далека от истощения.

В первый день Лехиного затворничества к нему забежал Женька.

— Крепись, Леха, что-нибудь придумаем, — успокоил он друга.

Леха понимал, что ничего тут не придумаешь, но от поддержки ему все-таки было

легче, а когда и Женька куда-то исчез, Лехе стало совсем невмоготу. Наконец на шестой день, как раз когда Леха начал подумывать, что житейские невзгоды могут сломить даже очень сильного человека, Женька объявился.

— Ну что, учишься? — спросил он и похозяйски плюхнулся на диван.

— Да уж, не гуляю, как некоторые, — укоризненно сказал Леха.

— Это я, что ли, гуляю? Да я, между прочим, изо всех сил для тебя стараюсь. Специально статью нашел. Вот, тут говорится, что ты сейчас занимаешься никому не нужной ерундой. — Женька потряс в воздухе листами, вырезанными из какого-то журнала.

— Это про историю, что ли? — Леха покосился на раскрытый учебник.

— Про какую историю? Тут наукой доказывается, что от твоего сидения за уроками никакой пользы — один только вред! — сказал Женька.

— А то я без твоей науки не знал, что от этого один вред. Я-то думал, ты и правда что-нибудь дельное скажешь. Тоже мне открытие!.. — разочарованно протянул Леха.

— А вот и открытие. Техника быстрого чтения. Ты, например, знаешь, что чем человек быстрее читает, тем он больше запоминает?

— А мне-то что с того? — спросил Леха.

— Как что? Это же прямо про тебя сказано. Вот если бы ты быстрее уроки делал, то и учился бы лучше. Ты ведь жертва собственной усидчивости, сечешь?

Как ни крути, а Женька был прав. Сам-то он уроки за полчаса делал и учился на одни пятерочки. А быть жертвой своей усидчивости даже обиднее, чем быть жертвой собственной лени, — это Леха понял сразу.

— Как же я уроки быстрее сделаю, когда задают вон сколько?

— Спокойно. Я все продумал. С сегодняшнего дня будем делать из тебя человека нового типа — ультрарапида, — заявил Женька.

— Чего-чего? — не понял Леха.

— Сверхскорость, значит. Через месяц круглым отличником будешь.

— Ну да! — Леха с недоверием посмотрел на журнальные листы.

— Точно. Сам увидишь. Будем заниматься по системе. Тут все описано.

— А вдруг у меня не получится?

— Не волнуйся — главное начать. Бери учебник и запомни первое правило. — Женька вслух прочитал: «Текст любой трудности читать только один раз».

— Почему? — спросил Леха.

— Для скорости. Так что, даже если тебе очень захочется урок еще раз прочитать, ну,

распирает прямо, крепись и второй раз ни за что не читай, а то ничего не получится.

С этим правилом у Лехи было все в порядке. Сколько он себя помнил, ему в жизни никогда не хотелось прочитать урок второй раз.

— Вот видишь, а ты боялся. Я же говорил, у тебя получится. Ты способный! — похвалил Леху Женька.

Первая удача окрылила Леху, но со вторым правилом возникли осложнения. Оказалось, что читать надо всю страницу сразу, сверху вниз. После Женькиных пояснений Леха уставился на середину строчки и повел глазами вниз, но из этого ничего не получилось.

— Как же я могу читать, если я ни начала, ни конца строчки не вижу? — недоумевал Леха.

— А боковое зрение тебе на что? — спросил Женька.

— Какое еще боковое зрение?

— Очень простое. Сиди так и не оборачивайся. Говори, что я сейчас делаю? — Женька отбежал в сторону и начал махать руками.

— Ну руками машешь.

— Как же ты видишь, что я руками машу, если ты на меня не смотришь? — Женька посмотрел на Леху с таким видом, словно он его в чем уличил, и продолжил: — Вот и со страницей так. Тебе только кажется,

что ты ее не видишь, а на самом деле ты все видишь, только боковым зрением.

— А что толку, ведь прочитать я все равно не могу. Я ж ничего не понял, — пожал плечами Леха.

— Это потому, что она у тебя сразу закодированная в мозг идет. В журнале так и написано. Сначала ничего не понимаешь, зато потом поймешь, — авторитетно заявил Женька.

Когда Леха убедился, что обучение идет по правилам, он немного успокоился, но червь сомнения все-таки глодал его.

— А вдруг я этот закодированный текст потом не вспомню?

— Так ты для верности его еще взглядом сфотографируй, как разведчики. Сосредоточься и смотри на него минуту, а я время засеку, — предложил Женька.

— Скажешь тоже, минуту, я и так на него уж сколько смотрел, — недоверчиво проворчал Леха.

— Так это ты просто так глазел. А ты смотри пристально. Давай, засекаю!

Леха вытаращил глаза и уставился на страницу учебника.

— Сфотографировал? — через минуту спросил Женька.

— По-моему, не очень.

— Ничего, это мгновенное забывание. Про него тут тоже написано. Главное, не волнуй-

ся. В критический момент у тебя все само собой в памяти всплывет и безо всяких усилий вспомнится, — пообещал Женька.

— Ты думаешь? — с сомнением спросил Леха.

— Это не я думаю. Это передовая научная мысль. Все на благо человека. — Женька важно похлопал по журнальным листам.

С этого дня Леха впервые почувствовал, что наука работает на его благо. Теперь он не засиживался за уроками, как раньше. Стоило ему просмотреть параграф сверху вниз и для верности сфотографировать взглядом, как он был свободен, а вечером честно рапортовал родителям, что уроки сделаны. Целых две недели он с наслаждением вкушал плоды науки, пока однажды не наступил критический момент.

Когда на уроке истории он услышал свою фамилию, то по старой привычке занервничал, но Женька ободряюще кивнул, и Леха воспрянул духом. Он медленно вышел из-за парты и очень медленно пошел к доске, чтобы домашнему заданию было время вспомниться, но, к своему ужасу, понял, что ничего само собой в его голове не всплывает.

— Что же ты молчишь, Потапов? — спросила Нина Петровна.

— Это он сосредоточивается, — с места заступился за Леху Женька.

Леха с благодарностью посмотрел на друга. Тот жестами показывал: давай, давай. А чего там показывать? Леха и сам с удовольствием выдал бы, если бы ему было что. Урок предательски не вспоминался. Когда Леха понял, что ждать, пока все вспомнится само собой, ему придется долго, он стал про себя приговаривать: «Это критический момент. Момент критический». Но и это не помогло.

— Так, значит, урока ты сегодня не знаешь, — сказала Нина Петровна.

И Леха понял, что это последний шанс что-нибудь ответить. И он ответил.

— Я учил, — сказал Леха таким трагическим голосом, что Нина Петровна просто не могла не задать ему наводящие вопросы.

— Ну хорошо, — сказала она. — Кто командовал русским флотом во время русско-турецкой войны?

И тут Леха вспомнил. Сама собой, безо всяких усилий, перед его мысленным взором всплыла картинка из учебника, на которой был изображен портрет адмирала с орденами и с подозрной трубой. Леха так отчетливо представил себе эту страницу с портретом в верхнем левом углу, как будто видел перед собой фотографию, но весь ужас был в том, что на подпись под фотографией мысленного проявителя уже не хватило. Она так расплывалась, что разобрать ее не было никакой возможности.

Леха посмотрел на Женьку и сделал страшные глаза. Женька понял, что в их системе обучения произошла осечка. Надо было срочно выручать друга, и он показал на свои уши.

Леха просиял. Ну конечно, теперь он и сам вспомнил, что фамилия этого адмира-

ла была связана с ушами. Он еще давно хотел ему для наглядности уши пририсовать, но не успел, потому что стал ультра-рапидом и времени на то, чтобы засиживаться над уроками, у него не было.

Леха бойко выпалил первую же ушастую фамилию, которая сама собой, безо всяких усилий, всплыла в его памяти:

— Адмирал Ушинский!

— Кто-кто? — переспросила Нина Петровна таким тоном, что Леха сразу понял: всплыло что-то не то.

Он в отчаянии взглянул на Женьку еще раз. Тот с такой силой колотил себя по ушам, как будто хотел, чтобы они совсем отвалились.

— Пьер Безухов, — отчеканил Леха.

Что тут началось! Класс буквально взорвался от хохота. Все прямо животики надрывали, как будто им показывали три кинокомедии сразу. И что обиднее всего, вместе со всеми смеялся Женька.

Конечно, Леха вспомнил, что Пьера Безухова он в кино про «Войну и мир» видел и тот не только не был адмиралом, но вообще не воевал. Только теперь это было все равно.

Вернувшись на свое место, Леха открыл учебник. С верхнего левого угла страницы на него глядел портрет адмирала с орденами и с подзорной трубой, под которым было четко написано: «Ф. Ф. Ушаков».

На этом Лехины злоключения не кончились. На критическом моменте по чтению он вспомнил первую строчку стихотворения, а на русском языке рамочку, которой было обведено заданное на дом правило.

По дороге домой Женька успокаивал друга:

— Это оттого, что ты недостаточно натренировался. Вот позанимаешься по системе еще пару недель — и все четко вспоминать будешь.

Но заниматься по системе Лехе не дали. Теперь каждый день после работы папа не просто спрашивал: «Уроки выучил?» — а проверял, как он их выучил. А жаль. Ведь еще немного — и Леха мог бы стать человеком нового типа.

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Нельзя сказать, что Леха был везучий. Его частенько преследовали мелкие неудачи, но все они не шли ни в какое сравнение с тем ударом, который судьба уготовила для него на этот раз. Светлана Викторовна, учительница по математике, переехала жить в Лехин дом. Мало того, ее квартира была дверь в дверь с Лехиной. Но самое худшее ожидало его впереди. Мама завела со Светланой Викторовной дружбу. По вечерам они гоняли чай, и дело дошло до того, что училка предложила позаниматься с Лехой, чтобы подтянуть его по математике. Это в начале летних каникул!

Свалившееся на Леху несчастье здорово его подкосило. Он ходил угрюмый, и в его глазах читалась тоска пожизненно заключенного. Тогда ему на помощь пришел лучший друг Женька — самый идейный человек в

школе. Женька читал все подряд, и от этого в голове у него всегда роилось множество идей.

Ребята сидели у Женьки в комнате и думали, что делать, но, как назло, на ум ничего не приходило. Надежда на вольную жизнь ускользала у Лехи прямо из-под носа.

— Хоть бы она в отпуск уехала, что ли, а то будет тут все лето торчать! Ни себе, ни людям, как собака на сене! — Леха с досадой махнул рукой.

При этих словах Женьку осенило.

— Как же я сразу об этом не подумал! Собака — это как раз то, что нужно! — воскликнул он и бросился к книжной полке.

— Зачем? — с недоверием спросил Леха. С тех пор как его в детстве покусала собака, он старался обходить четвероногих друзей стороной.

— Сейчас узнаешь. Нам нужна собака Баскервиль! Вот послушай!

Женька достал томик Конан Дойла и, найдя нужное место, начал читать зловецим голосом:

— «Это была собака огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видел. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло возникнуть видение более страшное, более

омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана».

По мере того как Женька читал, Леху все больше охватывало сомнение в том, что собака Баскервилей — это именно то, чего ему в жизни не хватает.

Когда Женька умолк, Леха исподлобья уставился на него и угрюмо произнес:

— Ты что, издеваешься? У меня и так горе, а ты еще тут со своей собакой.

— Да ты только подумай! От такой собаки математичка не то что в отпуск — она, может, вообще из нашего дома с радостью убежит.

Леха подумал, что от такой собаки он бы и сам с радостью убежал.

Между тем Женька дал волю своей фантазии:

— Представь: ночь, темнота — хоть глаз коли, туман. Светлана Викторовна выходит из дома...

— Скажешь тоже, — перебил его Леха. — Чего ради она ночью в туман из дома пойдет?

— Ну ладно, пускай без тумана, — согласился Женька и продолжал: — Ночь. Темнотища...

— Не-е, сейчас темнеет поздно, — степенно возразил Леха.

— Знаешь что, тебе не угодишь. Мне, что ли, каждый день задачки решать? Для него

же стараюсь, из кожи вон лезу, а он еще назло перебивает! — распалился Женька.

Леха виновато вздохнул:

— Ладно, не сердись... Я же как лучше хочу.

— Будто я хочу как хуже, — съязвил Женька и примирительно добавил: — Так и быть, последний раз предупреждаю. Или ты меня слушаешь, или не перебивай. Находим собаку...

— А без собаки никак нельзя? — робко вставил Леха.

— Без собаки нельзя, — отрезал Женька.

Леха понял, что это вопрос решенный.

Между тем Женька заговорщически зашептал:

— Я, Леха, такое придумал! Математичка тебя не то что от летних занятий освободит, она тебе до конца учебного года пятерочки будет ставить, да еще и благодарить при этом.

Начало Женькиной идеи звучало заманчиво. Леха обратился в слух, а Женька продолжал:

— Выходит математичка вечером из дома, а на нее — чудовище. По загравку огонь. Из пасти пламя. Клычищи — во! Она в крик. И тут... — Женька выждал подобающую паузу и торжественно произнес: — Появляешься ты!

— Кто? Я?! — спросил Леха с неподдельным изумлением.

— Ну да, как будто ты случайно во дворе прогуливаешься.

— Не хочу я нигде случайно прогуливаться, и вообще, почему я?

— Потому что она тебе летние каникулы портит, а не мне, — заявил Женька.

— Да ладно, я ее уже простил, — великодушно сказал Леха.

Женька оценивающе посмотрел на друга и произнес:

— Ты, Леха, благородный.

Леха не стал возражать, а Женька продолжал:

— Математичка еще прощения просить будет, что к тебе с задачками приставала, когда ты ее от собаки спасешь.

Стоило Лехе представить, как он спасет Светлану Викторовну от собаки Баскервилей, как прилив благородства сменился у него приступом скромности.

— Никакой я не благородный, — смиренно сказал он.

— Молодец! По-настоящему благородный человек сам себя хвалить не станет, — похлопал его по плечу Женька.

Быть благородным Лехе было бы намного легче, если бы не собака, и он ухватился за соломинку:

— А где мы баскервиля возьмем? Это небось порода редкая.

— Порода тут ни при чем. Собаку мы возьмем самую обыкновенную, намажем ее свечасимся составом, и готово!

При этих словах Леха воспрянул духом:

— Так бы сразу и сказал, что обыкновенную, а то я уж испугался... что породу такую не найдем. А так Лайка подойдет.

Лайка была любимица двора. Она так приветливо вертела хвостом-бубликом, что ее даже Леха не боялся. С такой собакой одно удовольствие совершать благородные поступки, но оказалось, Леха радовался преждевременно.

— Ты что? — воскликнул Женька. — Думаешь, Светлана дурнее тебя и Лайку не узнает?

— Но ведь мы ее светящимся составом намажем. Другой-то у нас все равно нету, — развел руками Леха.

— Это у тебя нету, а у меня есть, — заявил Женька.

— Собака?

— Идея. Собаку мы попросим у тети Вали с четвертого этажа.

Леха с ужасом вспомнил огромного поджарого дога, по прозвищу Граф, и с надеждой в голосе сказал:

— Она его, наверное, не даст.

— Не беспокойся. Я все устрою. Она еще рада будет, если мы его выгуливать возьмемся.

— А вдруг он не разберется, что к чему, и бросится на меня? — забеспокоился Леха.

— Мы его к тебе приручим, — успокоил друга Женька.

Через два дня Женька с видом победителя вышел из дома, ведя на поводке Графа. Оказалось, что приручить Графа к Лехе гораз-

до легче, чем приручить Леху к псу. Вблизи Граф казался еще страшнее, чем издали. Но мало-помалу Леха освоился.

— А где мы светящуюся смесь возьмем? — осведомился он.

— Вот! — победоносно сказал Женька, доставая из-за пазухи пакет.

— Чой-то? Рыба? — Леха недоуменно уставился на обезглавленного минтая.

— Сам ты — рыба. Это продукт, где больше всего фосфора, соображаешь? Проведем научный эксперимент. Дадим рыбу Графу и посмотрим, будет у него пасть светиться или нет.

Леха скептически усмехнулся:

— Я и без твоего эксперимента знаю, что не будет! Я часто рыбу ем и еще ни разу не светился.

— Мало ли что ты не светился! Ты что, сырую рыбу ешь, сырую, да? — вскипел Женька.

— Ну жареную.

— То-то и оно, что жареную. А где ты слышал, чтобы жареная рыба светилась?

Такого Леха не слышал, и эксперимент начался. Женька протянул Графу рыбу, тот понюхал, фыркнул и отвернулся.

— Наверное, не голодный, — предположил Леха.

— Давай проверим. У вас колбаса есть?

— Есть.

— Тащи! — приказал Женька.

Леха принес кусок колбасы. Оказалось, что Граф не такой уж сытый. Он мгновенно слизнул колбасу, однако от рыбы наотрез отказался. Женька и приказывал, и угрожал, и уговаривал — все без толку.

— А может, попробовать его колбасой заманить, а потом незаметно рыбу подсунуть? — предложил Женька.

Леха еще пару раз сбегал за колбасой, после чего Женька решительно заявил:

— Так дело не пойдет. Пока ты бегаешь туда-сюда, мы только время зря теряем. Лучше сразу всю колбасу неси, мы ее тут порежем.

— А что я маме скажу?

— Не бойся: не съест же он ее целиком. Что останется, домой унесешь. Мама даже не заметит.

Как только Леха перестал делать пробежки домой и стал кромсать колбасу прямо на месте, дело пошло быстрее. Колбаса, в отличие от рыбы, убывала с потрясающей быстротой. Как раз, когда Женька готов был сунуть рыбу в пасть Графу, случилось непредвиденное: колбаса кончилась.

— Эх, жалко! — с досадой сказал Женька.

— Еще как! — мрачно подтвердил Леха, думая о том, как он будет оправдываться перед мамой.

— А чего у вас еще вкусного есть? — спросил Женька.

— Пастила, — сказал Леха и поспешно добавил: — Но собаки пастилу не едят.

— Ты что! Пастилу едят все, — заверил его Женька и оказался прав.

Пастилу действительно ели все, и поэтому она кончилась гораздо быстрее колбасы.

Покончив с пастилой, ребята увидели, что рыба исчезла, зато неподалеку сидел здоровенный рыжий котина, который оказался не таким привередой, как Граф, и с удовольствием поедал продукт эксперимента.

— Ах ты, ворюга! — крикнул Женька.

Догадавшись, что обращаются к нему, и не желая вступать в конфликт, кот схватил рыбу и отбежал подальше.

— Ну, сейчас я тебе покажу! — пригрозил Женька. — Граф, взять его!

Граф лениво посмотрел на кота, потом на Женьку, как бы спрашивая: «А на что он мне нужен?» — и, отойдя к кусту, поднял лапу.

— Граф, фас! Еще собака называется! — взывал Женька к собачьей гордости, но безрезультатно. Тогда он скомандовал: — Леха, окружай!

Леха побежал окружать кота. Граф, видимо, подумал, что это игра, и тоже бросился к коту. Кот выгнул спину, громко зашипел и, бросив рыбу, стрелой взметнулся на дерево.

Женька поднял обглоданный рыбий хвост. Эксперимент был под угрозой срыва, но вдруг Женька просиял:

— Слушай, нам даже повезло, что кот рыбу съел! Сейчас на нем и проверим, будет он светиться или нет. Давай его изловим и в подвал отнесем. Там в темноте сразу будет видно.

— Как же мы с самого начала не додумались! Зря только колбасу извели, — пробурчал Леха.

Однако изловить кота оказалось не просто. Кот сидел на дереве, всем своим видом показывая, что спешить ему некуда и слезать он не собирается.

— Сейчас я его шугану, — сказал Женька и полез на дерево.

Заподозрив неладное, кот вздыбил шерсть и с тихим подвыванием отполз подальше, а когда пути к отступлению были отрезаны, истошно заорал, спрыгнул с дерева и бросился наутек.

И все-таки удача была на стороне ребят, потому что кот метнулся не куда-нибудь, а прямо в подвал. Женька и Леха поспешили за ним.

В подвале была крошечная темнота. Кот не светился.

— Ничего, так даже лучше, — не унывал Женька. — Все равно Граф рыбу не ест. Мы бы с ним еще намучались. И вообще, если бы это было так просто, каждый тут ходил бы светился, когда ему вздумается. Фосфор лучше выпаривать.

Способ, предложенный Женькой, был до гениальности прост. На кухне у Лехи Женька положил на сковородку несколько рыбешек, накрыл их крышкой и поставил на медленный огонь.

— Теперь только успевай фосфор с крышки соскабливать, — с видом знатока сказал он.

— А рыба не изжарится? — спросил Леха.

— Много ты понимаешь! Жарят с маслом, а без масла она будет выпариваться.

Сначала рыба вела себя вполне сносно. Она урчала на сковородке, а Женька поминутно заглядывал под крышку и говорил:

— Воды много. Как только выкипит — начнет выпариваться.

Ждать без дела было скучно, и ребята решили пойти поиграть. Игра была в самом разгаре, когда Леха принялся:

— По-моему, горит.

Женька и Леха бросились на кухню. Все было окутано едким чадом. Эксперимент пришлось прекратить. Борясь с приступами

кашля, Женька поспешил выключить газ, а Леха распахнул окно. Полотенцами они выгнали гарь из кухни, и только когда дым рассеялся, Женька вспомнил про фосфор. Он открыл сковородку, на которой сиротливо лежали черные угли. Крышка была покрыта толстым слоем копоти. Помолчав минуту, Женька скорбно изрек:

— Ничего, даже у великих ученых бывали неудачи. Завтра что-нибудь придумаем.

Но назавтра они ничего не придумали, потому что вечером соседи нажаловались Лехиной маме, что из окна их квартиры валит дым, а потом мама обнаружила отсутствие большой сковороды, а чуть позже пропажу колбасы и пастилы.

Три дня Леха сидел дома. С утра он делал упражнения по русскому, а вечером над ним измывалась Светлана Викторовна. Только на четвертый день его выпустили погулять.

Не успел Леха выйти во двор, как нос к носу столкнулся с Женькой. Тот весь сиял. На лице его крупными печатными буквами читалась идея.

— Привет, старик! А я как раз к тебе бегу. Я тут такое придумал! — воскликнул он.

— Не, я больше фосфор добывать не буду, — наотрез отказался Леха.

— Какой еще фосфор? — не понял Женька.

— Ну, для баскервиля. Математичку этим не прошибешь. Она с ремонтом затеялась и на лето ни за что не уедет.

— А нам и не надо, чтобы она уезжала! — беспечно сказал Женька. — У меня идея не то что твой баскервиль. Закачаешься! Пока ты там прохлаждался, я такую книгу прочитал!

При упоминании о книге Лехе стало не по себе, а Женька уже протягивал ему серый томик, который мог спасти его от домашних заданий на лето. На обложке было написано: Жюль Верн. «Пять недель на воздушном шаре».

ДЕЖУРСТВО

С нового учебного года в школе у Лехи и Женьки ввели кабинетную систему. Каждый предмет изучали в специальном кабинете, а на переменах приходилось переходить из класса в класс. Может, кто и считал, что это не очень удобно, но Женька сразу понял, какие большие перспективы открывает кочевая жизнь. Мало того, что, если опоздал на урок, всегда находилось объяснение: мол, не сразу нашел класс. Вдобавок в каждом кабинете было много преинтереснейших штуквин.

В среду Женька и Леха дежурили по классу. Нельзя сказать, что Женька любил дежурить, но на этот раз ему не терпелось приступить к своим обязанностям, потому что первым уроком по расписанию стояло природоведение, а Женька уже давно нацелился обследовать кабинет биологии. Это был самый интересный

кабинет в школе, если не считать кабинета химии. Чего тут только не было: и аквариум с рыбками, и клетка с хомяками, и даже настоящий скелет из пластмассы.

К тому же сегодняшнее дежурство таило в себе и другие скрытые достоинства. Женьке уже недели две нравилась Синицына, но, кроме как дернуть ее за косу или выбить из рук портфель, повода к общению не представлялось. И вот Женьке улыбнулась удача. Он знал, что Синицына хочет покормить хомячков, поэтому накануне в разговоре как бы невзначай обмолвился, что дежурит в кабинете биологии.

— Приходи, так и быть, тебя впусти. Только учти: больше никого не притаскивай, — щедро предложил он.

Женька явился в школу ни свет ни заря и тотчас побежал в учительскую за ключом от кабинета.

В день дежурства Женька нервничал. Интересно: придет или нет? От этих девчонок всего ожидать можно.

Дверь открылась, но, к Женькиному разочарованию, в кабинет вошел Леха.

— Чего это ты меня не дождал? Я за тобой зашел, а тетя Аня говорит: «Он уже в школе».

Женьке не очень хотелось обсуждать этот вопрос, поэтому он ловко перевел разговор на другую тему:

— Смотри, чего это тут треугольник валяется? Он же из кабинета математики. Здоровый какой! Голова пролезет.

— Не, не пролезет, — отмахнулся Леха.

В этот момент дверь распахнулась, и вошла Синицына.

— Привет, мальчики. Чем занимаетесь? — спросила она.

— Да вот, у нас тут спор вышел. Слабо голову в треугольник просунуть или нет, — объяснил Женька.

Синицына оценивающе посмотрела на треугольник и заявила:

— Слабо. Уши не пролезут.

— Вот и я говорю, что он маленький, — подтвердил Леха, воодушевленный поддержкой Синицыной.

Теперь Женька просто обязан был доказать свою правоту, чтобы Синицына видела, на чьей стороне истина.

— На спор — пролезут! Ставлю десять порций мороженого!

— А деньги откуда возьмешь? — усмехнулась Синицына.

— Мое дело. Ну, давай! — Женька сунул треугольник Лехе.

— Если тебе мороженое девать некуда... — пожал плечами Леха и, взяв треугольник, без особого энтузиазма попытался надеть его на голову.

Как и следовало ожидать, треугольник был слишком узок и не надевался, но неудача Женьку не испугала. В нем проснулся азарт спорщика, и немудрено. Ладно бы еще они были один на один с Лехой, но потерпеть поражение при Синицыной!

— Ты нарочно не стараешься. По-честному надевай! — распалился Женька и стал помогать Лехе надевать треугольник.

Бедный Леха выпучил глаза и, тщетно пытаясь отбиться от ретивого помощника, вскричал:

— Ты, что ли, с ума сошел? Ты мне все уши оборвешь!

И тут настал момент Женькиного триумфа. Лехина голова проскользнула в дырку треугольника безо всякого урона ушам.

Женька ликовал.

— Что я говорил! — воскликнул он, с видом победителя поглядывая на Синицыну.

— Только учти, я тебе мороженое не обещал, — напомнил Леха.

Но он напрасно беспокоился. Женька был не из тех, кто добивает поверженного. Ему было достаточно моральной победы в споре, к тому же Синицына должна видеть, какой он благородный, поэтому Женька великодушно сказал:

— Ладно, я и не требую.

Успокоившись, что мороженое ему покупать не придется, Леха принялся снимать

треугольник, но не тут-то было. Леха вертел противную деревяшку и так и сяк — все напрасно.

— Ну чего ты там с ним возишься? — спросил Женька.

— Попробовал бы ты его снять. У меня уши не пролезают, — пожаловался Леха.

— Опять твои знаменитые уши! — смеялся Женька. — Если они туда пролезли, значит, и оттуда вылезут. Закон физики.

Скоро Леха на собственном опыте убедился, что у каждого закона есть исключение. Конечно, по всем правилам голова должна была пролезть в дырку, но, не повинуясь никаким правилам и законам, уши не пролезали.

Близилось начало уроков. В коридоре слышался топот и голоса тех, кто не любит опаздывать и загодя является в школу.

— Сейчас ребята придут, — забеспокоилась Сеницына.

— Давайте я пока класс закрою, — предложил Женька.

Он запер дверь на ключ и тоже включился в операцию по освобождению друга. Вся троица упрямо пыхтела над нелегкой задачей.

— Больно же! — стонал потный, взъерошенный Леха, отбиваясь от помощников.

— Терпи, сейчас снимется. Туда он тоже туго шел. Чего ты нос выставил! Убери! — деловито командовал Женька.

— А куда же я его уберу? — обиженно засопел Леха.

Женька с остервенением рванул треугольник.

— Ты что, сдурел?! Ты так с меня скальп стащишь! — не своим голосом завопил Леха.

— Мальчики, тихо, — пыталась успокоить их Сеницына.

В дверь требовательно постучались, и донесся голос учительницы естествознания:

— Что вы там делаете? Откройте сейчас же!

Дело оборачивалось нешуточно. Как всегда в критический момент, Женька мгновенно оценил ситуацию и принял решение:

— Залазь в шкаф.

Леха приоткрыл дверцу встроенного стенового шкафа и заглянул внутрь. На верхних полках лежали цветные таблицы и муляжи, а внизу стояло ведро с тряпками и валялся веник. Было тесновато, но выбирать не приходилось. Не показываться же на глаза Таисии Ивановны в таком виде. Леха вздохнул и полез в шкаф.

— Не волнуйся. Как только училка уйдет, мы тебя сразу выпустим, — успокоил его Женька.

— А если не уйдет? — с опаской спросил Леха и попятился назад.

— Не мандражируй. Чего ей в классе торчать?

В это время Сеницына, которая, ни жива ни мертва от страха, топталась возле двери, взмолилась громким шепотом:

— Мальчики, ну давайте же делайте что-нибудь!

Женька с укором посмотрел на Леху:

— Мужайся, Леха. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя ее к директору потащили.

Лехе не хотелось, чтобы Синицыну потащили в кабинет директора. Но еще больше ему не хотелось оказаться там самому. И он принял решение. Залезая в шкаф, Леха из последних сил надеялся, что биологичка заглянет в класс и, убедившись, что все в порядке, уйдет.

Женька отпер дверь. Таисия Ивановна зашла в класс с таким решительным видом, что стало ясно, что в ближайшее время уходить она не собирается.

— Зачем вы заперли дверь? — строго спросила она.

Женька знал, что Синицына совсем не умеет врать. Если она проговорится — конец. Собрав все свое красноречие, Женька преданно посмотрел в глаза учительницы и отрапортовал:

— Мы тут хомяков кормили. Только Синицына совсем ни при чем. Она даже и не хотела вовсе. Она говорит: «Не надо, Таисия Иванна не разрешает». А я заладил: «Давай покормим, давай покормим». Так что Синицына не виновата. Наказывайте меня.

Он так трагически склонил голову в ожидании кары, что учительница просто не могла не оценить его благородства. Она улыбнулась и снисходительно кивнула:

— Ладно, джентльмен, на первый раз прощаю. Но больше этого не делайте. Их нельзя перекармливать, иначе можно только навредить.

Леха сидел в шкафу в ожидании, когда его выпустят из заточения, с тоской вслушиваясь в гомон голосов. Класс заполнялся ребятами. Близилось начало урока, но Леха не терял надежды, что Женька придумает, как его освободить.

И тут раздался звонок. Ждать дольше было нельзя. Леха толкнул дверь и с ужасом понял, что заперт. Только теперь узник в полной мере осознал трагизм своего положения. Ему не оставалось ничего другого, как сидеть весь урок в шкафу.

Лехе повезло, что в двери была замочная скважина. Обзор, который предлагало ему это единственное оконце, связывающее его с внешним миром, был весьма жалким, но, к своей радости, Леха обнаружил, что за партой, стоящей как раз рядом со шкафом, сидит Женька с Синицыной. Конечно, это мало помогало ему в теперешнем положении, но все-таки как-то обнадеживало.

Таисия Ивановна сделала перекличку.

— А почему нет Потапова? — спросила она.

У Лехи сжалось сердце. Казалось, никогда еще ему так мучительно не хотелось присутствовать на уроке. Он услышал голос Женьки:

— Он к врачу пошел. У него уши болят. Уши у Лехи и правда болели, но не настолько, чтобы он не слышал, как учительница с сомнением проговорила:

— А мне казалось, что я его сегодня видела. Может, он приболел оттого, что я наметила его спросить?

Когда Леха услышал о планах Таисии Ивановны, его желание посетить урок сильно поколебалось. Во всяком случае, неизвестно, что лучше: иметь в журнале — «нб» или «двойк». Теперь Лехе было немного легче смириться со своим незавидным положением. Он притулился к стенке и стал ждать.

Казалось, урок идет целую вечность. Леха сидел, согнувшись в три погибели. Ноги у него затекли, шею ломило. Он попробовал пошевелиться и расправить плечи, но тут задел головой полку. Один штырек, поддерживающий ее, расшатался и держался на честном слове. Леха осторожно отодвинулся назад, но тут небольшой кусок штукатурки возле штыря отвалился от стенки, полка хряпнула и опустилась прямо Лехе на плечи.

К счастью, звук был не очень громкий, но главное, что, услышав шум в шкафу, Женька не растерялся. Он тотчас сбросил на пол портфель, просыпав все книжки, так что, повернувшись к классу от доски, Таи-

сия Ивановна встретила с его невинным взглядом.

— Простите, я нечаянно, — искренне сказал он.

Молча покачивая головой, биологичка продолжала рисовать на доске схему круговорота воды в природе. Стоило ей отвернуться, как Женька бросил в сторону шкафа испепеляющий взгляд. И о чем там только Леха думает!

А Леха думал о том, чтобы устоять. Он уже не сидел, как барон, развалившись на венике, а, скрючившись, стоял и, подобно античному атланту, поддерживал на себе злощастную полку. Силы героя быстро иссякали, и он понимал, что до конца урока ему никак не дотянуть.

И тут в шкафу раздался грохот.

На этот раз нужно было уронить по меньшей мере с десятков портфелей да еще хорошенько по ним наподдать, чтобы звук выглядел правдоподобно. И Женька сдался.

Взгляд Таисии Ивановны ничего хорошего не сулил.

— Что там в шкафу? Лена Сеницына, ну-ка открой! — сказала она.

Сеницына поднялась и на трясущихся ногах шагнула к шкафу. Она открыла створку — и зрелище, представшее ее взору, до конца дней запечатлелось у нее в памяти. Перед ней было лицо, вернее, даже не лицо, а то, что от него осталось. Скальпа не было, а вместо кожи зияли кровавыми ранами мышцы.

— Скальп снял!.. — прошептала она и стала медленно сползать на пол.

Только после того, как Сеницыну откачали, открыли соседний шкаф, где под табличками был погребен Леха. Потом Женька доказывал, что Леха — самый настоящий везунчик, ведь мало того, что он не ушибся, еще и треугольник разломился на две части. Может быть, насчет везения Женька был прав, потому что, когда Леха увидел муляж человеческой головы с открытыми мышцами, он понял, что ему в самом деле посчастливилось, что он не оказался рядом с ним в другом шкафу.

Правда, в кабинете директора фортуна Лехе изменила, но Женька успокоил друга:

— Не бери в голову, Леха. Все плохое когда-нибудь кончается. Жалко, конечно, что биологичка сказала, что на пушечный выстрел нас к кабинету не подпустит, но ничего. Я на следующую неделю на уборку кабинета химии записался.

СТРАЖИ ПОРЯДКА

Счастье свалилось на Женьку и Леху, как это всегда бывает, совершенно неожиданно. Они сидели во дворе и размышляли, чем бы заняться, когда увидели местную знаменитость Жорика. Жорик был большим человеком: во-первых, он уже перешел в десятый класс, во-вторых, он ходил в клуб авиамоделирования и, в-третьих, и самых главных, на всероссийской выставке авиамodelей он получил диплом с золотыми буквами и печатью.

У Жорика в руках был красивый новенький планер. При виде модели у Женьки с Лехой от восторга, что называется, «в зобу дыханье сперло». И что самое удивительное, Жорик направлялся прямо к ним.

— Ребята, не присмотрите за планером, пока я в магазин сбегая? — спросил Жорик.

Вопрос прозвучал музыкой в ушах неразлучных друзей. Неужели Жорик в самом деле оставит планер на полное их попечение? Это было круто. Женьку прямо-таки распирало от гордости.

— Какой разговор? Можешь на нас положиться. Муха не сядет. Леха вообще прирожденный бодигард. Лех, покажи бицепс. — Женька с энтузиазмом ширнул друга в бок.

— Ладно, культуристы. Надеюсь, бицепсы вам не понадобятся. Я по-быстрому, — улыбнулся Жорик, водружая планер на скамейку.

— Можешь не торопиться. Мы его будем изо всех сил охранять, — заверил его Женька.

Жорик ушел, и друзья принялись охранять планер изо всех сил, но вскоре Женька понял, что делать это не так-то просто, а точнее — совсем непросто, потому что охранять его было решительно не от кого. Это было непредвиденное осложнение. Подумать только, охранять планер по поручению самого Жорика и чтобы ни одна живая душа об этом не знала! Но возмутительнее всего было то, что Леха сидел с таким преспокойненьким видом, как будто его вовсе не волновало, хорошо они охраняют планер или нет.

— Ну чего ты на этот планер уставился? Нас его охранять поставили, а не глазеть на него, — наконец не выдержал Женька.

— А чего его охранять? Сиди себе и жди, пока Жорик придет.

— Ха! Так охранять каждый дурак может. Это вовсе даже не охрана!

— Почему?

— Да потому что охранять надо обязательно от кого-нибудь, а что никому не нужно, то и охранять незачем. Усёк?

— Ну, — покорно кивнул Леха.

Ребята посидели еще минутку.

— Эх, только зря время теряем! — сокрушался Женька. — Скоро уже Жорик придет.

И тут ему повезло. Он увидел, как из подъезда соседнего дома вышла Майка — первая болтушка в классе. Она тащила за собой брата, щекастого кареглазого карапуза, чем-то похожего на нее. Конечно, интереснее было бы охранять планер от кого-нибудь из мальчишек, но выбирать не приходилось.

— Сейчас начнем от Майки охранять! — оживился Женька.

— Нет, она брата на детскую площадку поведет, — резонно заметил Леха.

К Женькиному глубокому огорчению, Леха оказался прав. Не удостоив друзей вниманием, Майка направилась напрямик в сторону песочницы. Однако Женька не растерялся.

— Ничего. Нельзя ждать милостей от природы. Надо брать их своими руками. Сейчас как миленькая прибежит! — сказал он и во всю глотку крикнул: — Майка, эй, ты! Привет!

— Привет, — отозвалась Майка и даже не посмотрела в их сторону.

«Вот вредина!» — мысленно возмутился Женька. Теперь привлечь внимание Майки было для него делом принципа.

— Гуляешь, что ли? — крикнул он ей вдогонку.

— А что, нельзя?

— Гуляй, гуляй, только учти: сюда подходить запрещено.

Майка остановилась:

— Почему это?

— По кочану, — объяснил Женька и, чтобы Майке было еще понятнее, добавил: — Нельзя — и все тут!

После таких объяснений случилось именно то, что предсказывал Женька. Майка решительно повернула в их сторону и потащила за собой упирающегося карапуза, который всей душой стремился строить из песка кулича.

— Подумаешь, раскомандовался! А может, мне тут нравится, — заявила она.

— Кому говорят, не подходи! — без особой угрозы предупредил Женька.

— Ага, разбежалась. Сейчас шнурки поглажу. Вы этот двор закупили, что ли? — съехидничала Майка, подходя ближе.

— Не закупили, а объект охраняем, — важно произнес Женька и как бы ненароком сдвинулся в сторону, чтобы был виден планер.

— Чего-чего? — с вызовом спросила Майка и осеклась.

Она увидела «объект», и ее глаза округлились от удивления.

— Ой, какой клёвый! Ванечка, смотри, самолетик! — воскликнула она и прибавила шагу, тем более что карапуз тоже заинтересовал яркий планер и теперь его не надо было тащить насильно.

— Да уж, нехилая модель. Только руками не трогать! — грозно предостерег Женька и добавил: — И вообще вали отсюда. Ходят тут всякие, а нам, между прочим, Жорик сказал никого близко не подпускать. Он только нам доверяет. Так что двигай попом, чеши хип-хопом.

— Грубиян! — обиделась Майка.

— Ой, Леха, держи меня, а то я упаду. Белье меня воспитывает. Как там тебя, майка или трусы?

— А ты... А ты... — Майка пыталась найти обзывалку пообиднее. — А ты Женька-шимпанзенька!

— Не в склад, не в лад! Поцелуй корову в зад. И вообще такого зверя не бывает, — заплясал Женька на одной ножке.

— Зато уроды бывают вроде тебя! — не осталась в долгу Майка.

В общем, охрана получалась что надо! Крутая охрана! Пока Женька и Майка обменивались мнениями, карапуз почувствовал себя на свободе. Несмотря на то что он был еще очень мал, он уже крепко уяснил, что свободой, когда ее дают, надо пользоваться. Что он и не замедлил сделать. Малыш подошел к планеру и схватил его за хвост.

— Эй, он его взял.

Леха толкнул в бок Женьку, который был так занят перепалкой, что не замечал, что творится вокруг.

— Кого? — буркнул Женька, недовольный, что его отвлекают.

— Планер, — сказал Леха.

К этому времени Женька тоже увидел, как малыш с довольным видом держит новую игрушку.

— Что же ты молчишь?! — накинулся он на Леху.

— А я и не молчу, — пожал плечами Леха.

Поняв, что лучше вести переговоры напрямую, Женька как можно внушительнее обратился к карапузу:

— Положи самолет на место. Его брать нельзя.

Малыш, видимо, был иного мнения. Поняв, что игрушку у него собираются отнять, он еще сильнее прижал планер к себе.

— Что же ты, раззява, за своим ребенком не смотришь! — набросился Женька на Майку.

— Вы бы сами лучше за своим планером смотрели, спецназ сушеный! — взъерепени-

лась Майка и засюсюкала с малышом: — Ванечка, ты же хороший мальчик! Положи самолетик.

Ванечка ухватился за планер, всем своим видом показывая, что лестью его не купишь.

Нужно было принимать решительные меры. Женька скомандовал:

— Леха, давай я ему руки разожму, а ты вытаскивай планер.

Сказано — сделано. Женька вцепился в карапуза, Леха — в планер. Карапуз заревел. Майка с криком: «Сейчас же отпусти его!» — бросилась на спасение брата. Образовалась куча мала. Скоро было не разобрать, кто в кого за что вцепился и куда тащит. И тут раздался треск...

Когда прибежал Жорик, охранять было уже нечего. Вернее, то, что осталось от планера, можно было не охранять. Жорик увидел обломки, и по выражению его лица Женька с Лехой поняли, что двор — это не то место, где бы им сейчас хотелось находиться.

Не разобравшись, что к чему, Жорик пообещал накостылять виновному и тут же выполнил свое обещание. Причем виновным оказался Леха, потому что бегал он гораздо медленнее Женьки.

Позже друзья сидели в укромном месте за домом. Леха прикладывал ко лбу монету.

— Теперь еще шишка вскочит, — угрюмо сказал он.

— Шишка — это пустяки! Это пройдет. Мне от несправедливости больно, — рассуждал Женька, отчаянно жестикулируя.

— Угу, — кивнул Леха.

А Женька продолжал:

— Ведь все из-за этой Майки. Я же ей человеческим языком говорил: «Не подходи». А она еще этого Ваньку-встаньку с собой приволокла. И ей как с гуся вода. Вот что обидно и больно!

Леха потрогал набухающую на лбу шишку и подумал, что лучше бы ему было больно от несправедливости. Он бы потерпел.

БОРЕЦ ЗА ПРАВА

Время от времени Лехины родители принимались за воспитание сына. Обычно это случалось после родительского собрания или когда Леха приносил двойку. Но на этот раз гром раздался среди ясного неба. До окончания четверти оставалось еще целых две недели. Казалось бы, радуйся жизни и дай радоваться другим. Ан нет. Папа ни с того ни с сего воспылал желанием посмотреть дневник сына. Нельзя сказать, чтобы положение у Лехи было катастрофическим, но и похвастаться было нечем.

Дневник выглядел настоящим ветераном. Он был потрепанным, как бестселлер с библиотечной полки, который пользовался повышенным спросом.

Листая страницы, папа заметно мрачнел.

— Так-так. Сплошные тройки, а по русскому — двойка!

Его тон не предвещал ничего хорошего.

— Я двойку исправил, — вставил Леха.

— Все равно. Хватит балбеса гонять. Скоро контрольные. Пора браться за ум. Вот тебе упражнения. Пока не сделаешь, на улицу не пойдешь.

Щедрой рукой папа галочками отметил нужные задания.

— Ты что? Это же за неделю не переписать! — ужаснулся Леха.

— Ничего. У тебя два дня впереди. За выходные управишься. Не грех иногда и напиться, — сказал безжалостный папа.

Мама подхватила:

— И так целый год гулял. Конец года на носу, а он не чешется.

Леха глянул в окно. В такую погоду запереть его дома было бесчеловечно. Весна набирала силу, и все живое стремилось к солнцу. Леха трепыхнулся, чтобы донести до папы эту мысль, но хмурый родитель даже слушать не стал. Помилования ждать не приходилось.

После завтрака родители отправились по магазинам, а Леха остался корпеть над ненавистными упражнениями. Когда за ним, по обыкновению, забежал Женька, Леха тяжело вздохнул:

— Меня не пускают... Говорят, контрольные на носу. Ну ты же их знаешь.

Он с досадой махнул рукой.

— Что же, ты так и просидишь все выходные без окон, без дверей, как последний дуралей? — спросил Женька.

— Можно подумать, у меня есть выбор! — угрюмо огрызнулся Леха.

— Выбор есть у каждого, — философски заметил Женька и добавил: — Ты своих предков совсем распустил. Их воспитывать надо.

— Ну и сказанул! Как же, воспитаешь их! — фыркнул Леха.

— Воспитать можно кого угодно, только для этого сначала надо самому стать личностью, — заявил Женька.

— Ха! Да мои родители какую угодно личность в бараний рог свернут и не поперхнутся, — возразил Леха.

— Это потому что ты бесхарактерный.

Подобное заявление задело Леху не на шутку. Легко Женьке говорить, когда ему еще ни разу не запретили выходить во двор.

— Никакой я не бесхарактерный, — насупился он.

— Это мы сейчас проверим. Вот скажи: кто ты такой?

— В каком смысле?

— В самом прямом.

— Ну пацан.

— А еще?

— Ученик.

— А еще?

— Ну Потапов Леха. Чего ты пристал?

— А то, что это без характера ты — Леха.
А с характером ты уже не Леха.

— А кто же я тогда, по-твоему? Пушкин, что ли? — усмехнулся Леха.

— Ты — узник. Жертва родительского деспотизма.

— Чего-о?! — вытаращился Леха.

— «Вскормленный в неволе орел молодой...», — продекламировал Женька, — вот ты кто. Понятно?

На Лехином челе отразилась усиленная работа мысли. Он медленно переварил сказанное, а потом решительно заявил:

— Да моему отцу хоть ястреб. Пока упражнения не напишу, гулянья мне видать.

— Это потому, что ты сам в себе личность не чувствуешь. Ты должен заявить о себе во всеуслышание.

— Орать, что ли, что я личность?

— Балда ты... «Орать», — передразнил его Женька. — Заявлять о себе надо делами. Что делают узники, чтобы привлечь к себе внимание?

— А я почему знаю? — пожал плечами Леха.

— Голодают они. Вот чего, — со знанием дела сказал Женька.

— Ты думаешь, поможет? — спросил Леха.

— Факт. Объяви голодовку и выстави свои требования, чтобы твои права не попирали.

— В смысле, чтоб гулять отпустили?

— Ну да. Прикинь, ты день не ешь, другой. А на третий...

— Налопаясь. На фиг мне в понедельник голодным ходить? Все равно не до гулянья.

— Вот ты, Леха, все же дуболом. Я тебе дело советую, а ты все портишь. Ты же должен их в перспективе воспитывать.

— Это как? — не понял Леха.

— На будущее. Вот увидишь, на третий день у них сердце дрогнет. И тогда проси чего хочешь. Стоит только пригрозить, что объявишь голодовку, и они станут как шелковые. Средство проверенное.

Перспектива выглядела заманчиво, но Леху беспокоило одно обстоятельство.

— А вдруг я проголодаюсь?

— Наешься впрок, чтобы надолго хватило. Вон верблюд раз в три месяца ест — и ничего, — посоветовал Женька.

Не откладывая в долгий ящик, они достали из холодильника всякую снедь, и Леха стал готовиться к предстоящему испытанию. Вообще-то он недавно позавтракал и есть не хотелось, но ради дела нужно было постараться. Он без особого труда одолел банку шпрот и три сосиски. Четвертую пришлось

пропихивать солеными помидорами. Дальше дело пошло еще тяжелее, но Леха проявил завидное упорство, прикончив яблоко и два апельсина.

Женька услужливо подсунул овсяное печенье, но Леха почувствовал, что у всякой личности есть предел возможностей. Кусок встал поперек горла.

— Всё! Больше я смотреть не могу на эту еду, — отдуваясь, пропыхтел он.

— Порядок. Значит, теперь ты готов. Все пройдет как по маслу, — потирая руки, подбодрил его Женька.

Перед обедом Леха с легким сердцем отказался от еды, но мама ничуть не беспокоилась здоровьем сына. Она заглянула в холодильник и покачала головой:

— Немудрено, что ты не голодный. Это сколько же ты умял!

Сначала Леху обескуражило такое пренебрежение к его голодовке, но потом он вспомнил, что надо выставить требования.

— Это не поэтому. Я вообще объявляю голодовку! — торжественно произнес он.

— Что, объелся? — подмигнул папа, заходя на кухню. Его шутливый тон совсем выбил Леху из колеи.

Борец за свободу, заикаясь, пролепетал:

— Я требую, чтобы вы того... этого... — Леха тщетно пытался вспомнить умные сло-

ва, которые говорил Женька, но, как назло, под перекрестным взглядом родителей все складные речи вылетели из головы.

Наконец Леха выпалил:

— Чтоб вы не припирали мои права!

— Ах, вот в чем дело! — рассмеялась мама. — Ну вот что, припертый, есть захочешь — придешь.

— К тому же у тебя освободится лишних полчаса на упражнения, — заключил папа.

Женькин план дал осечку. Голодовка началась явно не так, как ожидалось.

Леха угрюмо поплелся к себе. В голове роились мрачные мысли: «Вот и объявляй после этого голодовку. Хорошо еще, наелся впрок».

Однако к вечеру Леха основательно проголодался и был не прочь поужинать. К тому же мама затеяла печь его любимый яблочный пирог. Аромат витал по всей квартире. Леха уже всерьез подумывал завязать с голодовкой, когда ему позвонил Женька:

— Ну как?

— Мама пирог печет. Яблочный.

— Подлизывается. Вот увидишь, они станут шелковыми, — сказал Женька.

— Ты думаешь?

— Сто пудов. Главное, держись и не поддавайся на провокации.

— Это как?

— Когда тебя позовут ужинать, прояви себя личностью. Ничего в рот не бери, пока все требования не выполнят. Держись, Леха!

— Ладно... — вздохнул Леха и повесил трубку.

Женьке было легко советовать. Попробовал бы он на голодный желудок нюхать мамин

яблочный пирог. Леха стал ждать, пока его позовут. При этом он не был уверен, что сумеет проявить себя личностью. Впрочем, ему даже не дали возможности это сделать.

Мама с папой, как ни в чем не бывало, уселись уписывать пирог. Они даже не подумали о том, что в мире есть люди, которые голодают. Положение складывалось катастрофическое. Надо было срочно вызывать Женьку. При нем родители точно постесняются оставить сына без еды.

Леха набрал номер телефона.

— Жень, это я. Приходи. Срочно.

— А что такое?

— С родителями проблема. Я от голода умираю, а им хоть бы хны. Может, ты поможешь.

Не прошло и пяти минут, как в дверь позвонили. Увидев Женьку, мама радушно пригласила:

— Женечка, проходи. Я только что пирог испекла.

Она усадила гостя за стол и положила ему на тарелку большой кусок пирога.

— А Леха? — как бы невзначай спросил Женька.

— Он не хочет, — беспечно ответила мама.

Леха от возмущения и обиды даже не нашелся что сказать. Это была явная ложь.

Вместо Лехи ответил папа:

— У него разгрузочный день. Впрочем, ему не помешает немножко похудеть. Правда, сын?

Между тем мама продолжала потчевать Женьку:

— Да ты ешь, не стесняйся. Если Леша не хочет, зачем тебе сидеть впроголодь?

Женька обернулся к Лехе и одобрительно сказал:

— Молодец, Леха! Сильный характер.

Он в знак солидарности поднял сжатый кулак, а потом смачно откусил пирог.

Леха смотрел, как трое садистов на его глазах уплетают его любимый пирог. Зрелище было жестоким и мучительным. Чтобы напомнить о себе, Леха слабым голосом сказал:

— Некоторые голодающие даже сознание теряют. За ними «скорая помощь» приезжает.

— Тебе это не грозит, — возразила мама.

Лехе было обидно до слез, но при Женьке он решил выдержать характер. Пускай знает, кто тут личность, а кто садист-самоучка.

На следующее утро Леха подошел к папе и молча положил перед ним исписанную тетрадь.

— Уже сделал? — удивился папа.

Он просмотрел упражнения и одобрительно сказал:

— Смотри, как после голодовки на тебя просветление нашло. Можешь ведь, когда захочешь.

— Завтракать-то будешь? — поинтересовалась мама.

«Наконец-то спохватилась», — мрачно подумал Леха. Он был еще обижен, поэтому решил выдержать характер. Пускай поупрашивает.

— Что-то не хочется, — с деланным безразличием отказался он.

— Как знаешь, — передернула плечами мама.

В этот момент Леха понял, что уже достаточно проявил себя как личность и поспешно сказал:

— Только чуть-чуть.

Он никогда не ел с таким аппетитом.

После завтрака папа сказал:

— Иди погуляй, а после обеда займемся математикой.

— Хорошо, — безропотно кивнул Леха.

Сытый и довольный, он вышел во двор.

— Ну что, порядок? Воспитал своих? — спросил Женька.

— Угу, — немногословно ответил Леха.

— Я же говорил, станут как шелковые.

— Точно, — согласился Леха и подумал: «Ничего, что после обеда придется задачки решать. Может, даже к лучшему. Контрольные ведь на носу».

ХОР

В новом учебном году в школе начали работать секция баскетбола, школа современного танца, клуб любителей литературы, кружок «Умелые руки» и хор. В общем, в свободное время каждый мог выбрать занятие по интересам. Многие ребята стали подумывать, куда записаться. Женька с Лехой тоже не остались в стороне, но неожиданно выяснилось, что интересы у неразлучных друзей не совпадают. Леха загорелся секцией баскетбола, тем более что учитель физкультуры пообещал взять его в школьную сборную.

Зато Женька Москвичев ненавидел баскетбол всей душой. Мало того что он никогда не мог попасть в корзину, еще хуже обстояло дело с передачей мяча. Однажды он попробовал принять пас и до сих пор вспоминал об этом с содроганием. Ему показалось,

что его живот протаранил не мяч, а пушечное ядро. С того раза Женька благоразумно пытался увернуться от подачи. Сначала это вызывало негодование команды, но потом все привыкли и просто просили незадачливого игрока не путаться под ногами. Это сильно унижало Женькино достоинство, но он рассудил, что здоровье дороже.

Вместо баскетбола Женька предложил записаться в клуб любителей литературы, к тому же занятия у них должен был вести настоящий поэт. При одном упоминании о стихах Леху охватила смертная тоска. Он твердо заявил, что ему и уроков литературы хватает с лихвой, чтобы еще портить себе свободное время.

Друзья зашли в тупик, и в этот момент к ним обратилась Лена Синицына. Она всегда была активисткой, что называется в каждой бочке затычка. На этот раз ее назначили ответственной за хор, ведь она ходила в музыкальную школу.

— Мальчики, давайте я запишу вас на хор, — предложила она.

— Куда?! Леха, ты слышал? Она нас на хор запишет! — презрительно фыркнул Женька.

— Не понимаю, что тут такого? — передернула плечами Синицына.

— Да это же полный отстой, даже хуже танцев! — скривился Женька.

В это время в разговор встрял Петухов:
— Лен, кого ты уговариваешь? Куда Москвичеву петь. С его голосом только сидеть в туалете и кричать: «Занято!»

— Вот я тебе покажу «занято»! Да я лучше твоего пою. Меня знаешь куда приглашали? — немедленно взъерепенился Женька.

— Знаю. В хор голодных из оперы «Отдай мою горбушку», — съязвил Петухов.

Ленка прыснула со смеху.

Обычно Женька не лез за словом в карман, но остроумие изменило ему. Не найдя иных доводов, он выпалил:

— Если ты такой умный, то сам и записывайся!

— Между прочим, Юра уже записался, — вместо Петухова ответила Синицына.

У Женьки от удивления уши чуть не свернулись в трубочку. Ну и дела! Он уже давно замечал, что Петух подкатывался к Синицыной, но не брал его в расчет. У того ведь в голове всего две мысли: у кого списать и как бы не спросили. Немудрено, что Ленка смотрела на него как на пустое место. С каких это пор он стал для нее не Петух и даже не Петухов, а Юра?

Не успел Женька осознать, что у него появился еще один соперник, как Петухов добавил:

— Понял? Так что отвали. Меньше народу — больше кислорода.

«Значит, я отвали, а он будет Синицыну кадрить?!» — мысленно возмутился Женька и тотчас вспылал желанием тоже петь в хоре.

— Пиши нас с Лехой, — велел он, обращаясь к Синицыной.

Услышав такое, Леха аж поперхнулся. Ради друга он готов был в огонь и в воду, но ходить на хор было чересчур жестоким испытанием даже для крепкой мужской дружбы.

— Меня не надо. Я петь вообще не умею! — бурно запротестовал он.

— Ничего, будешь создавать массовость, — заявила Синицына.

Но Леха впервые в жизни твердо стоял на своем.

— Жень, не обижайся, но я лучше на баскетбол, — сказал он.

Так Женька и Леха оказались в разных кружках.

На первом же занятии хора Женька понял, что, записавшись на хор, он явно погорячился. Синицына не стоила того, чтобы ради нее целый час горланить про «Крылатые качели». Но это были еще цветочки. Дальше они стали разучивать песню про ежика с дырочкой в правом боку. Женька просто ушам своим не поверил. Им бы еще «Репку» почитали. Может быть, в хит-па-

раде детей ясельного возраста ежик и стоял в первой десятке, но они явно выросли из ползунков, колобков и подобных хитов.

Протосковав положенное время и вырвавшись на свободу, Женька решил, что любовь любовью, а на хор он больше не ходок.

Но в следующий вторник после уроков к нему подкатила Синицына.

— Ты не забыл, что сейчас хор? — вкрадчиво спросила она.

— В гробу я видал твой хор. Больше мне делать нечего! — бодро отрезал Женька.

— Жаль, а то после занятий вместе бы прогулялись... — вздохнула Ленка.

Это было что-то новенькое. До этого Женька несколько раз порывался проводить ее до дома, но каждый раз получал от ворот поворот. С какой это радости она так раздобрилась?

— Чего это вдруг? — недоверчиво спросил Женька.

— Тебе что, по слогам объяснять? Но если не хочешь, так и скажи! — оскорбилась Синицына.

Она повернулась и пошла прочь. Женька засеменял за ней.

— Лен, ты чего? Обиделась, что ли? Подожди. Я согласен. Просто как-то не ожидал.

Пока оправдывался, он и не заметил, как они дошли до актового зала. Второе занятие

хора протекало еще мучительнее, чем первое. Крылатые качели уже сидели в печенках, не говоря уж о дырявом ежике-свистуне. Только обещанное свидание поддерживало в Женьке силы дотерпеть эту муку до конца.

Мысли его были далеки от пения. В мечтах он неспешно бродил с Синицыной по скверу, поражая ее своей эрудицией. А она слушала его и восхищалась. А после они долго и нежно прощались возле ее подъезда.

Однако оказалось, что жизнь сильно отличается от фантазии. Как только занятие закончилось, они чуть ли не спринтерским шагом добежали до дома Синицыной, возле подъезда она коротко бросила: «Ну ладно, пока», — и скрылась за дверью. Женька почувствовал себя обманутым.

В следующий вторник он решил не поддаваться на ее уловки и уже собрался сбежать с ненавистного хора, как вдруг увидел, что коварная изменница прошествовала в актовый зал под ручку с Петуховым. Загипнотизированный этим неприятным зрелищем, Женька невольно двинулся за ними и опомнился только тогда, когда оказался в зале. Бежать было поздно. Ловушка захлопнулась. Предстоял новый час пыток. К концу занятия Женька так озверел от скуки, что был готов собственноручно заткнуть садисту-ежику дырочку в правом боку, чтоб тот не свистел.

Целую неделю Женька, испытывая муки ревности, следил за соперником, но Синицына не проявляла к Петухову даже намеков на симпатию.

Успокоившись на этот счет, Москвичев решил окончательно и бесповоротно бросить хор. Во вторник он как ни в чем не бывало направился домой, но не тут-то было. Оказалось, что он был не одинок в своем решении, поэтому на лестнице стояла завуч и отправляла всех беглецов в актовый зал.

— Это почему? Запись была добровольная, — воспротивился Женька.

— Добровольно записался — теперь добровольно будешь ходить до конца года, а то много вас тут домой собралось. Если каждый уйдет, в хоре петь будет некому! — заявила завуч, явно попирая Женькину свободу.

Вместе с остальными нерадивыми хористами его препроводили в зал. Стоя плечо к плечу с другими жертвами произвола, Женька нарочно то молчал, то вступал невпопад в надежде, что его выгонят, как непригодного, но напрасно. Нервы у учительницы пения оказались как канаты. Видимо, на своем веку она повидала и не таких «мастеров вокала». Еле-еле дотянув до конца занятия, Женька дал зарок, что больше ноги его не будет на этой каторге.

Но как бы не так. Перед очередным занятием к нему снова подошла Синицына и сладким голоском завела:

— Женечка, ты не мог бы донести до зала мой портфель?

— Щас, нашла лоха. Только шнурки поглажу! — съязвил Женька, не поддаваясь на ее дешевые уловки.

— Ну пожалуйста. Если я тебе хоть чуточку нравлюсь, — проворковала Ленка, беря его под руку.

Однако Женька уже знал ее увертки и был тверд как камень.

— Пускай тебе Петух портфели носит, — заявил он.

— Ты что, не понял? Петухов — это же для отвода глаз. Неужели ты думаешь, что он мне нравится? У него же мозгов нет, одни мышцы. Ты — совсем другое дело. Ты ведь в классе самый умный, такой начитанный. Одно слово — эрудит. Просто я не хочу, чтобы про нас ходили всякие сплетни, — доверительно зашептала Синицына.

Сердце эрудита растаяло. Он со злорадством прошествовал мимо Петухова под ручку с Ленкой и направился в актовый зал. Юрка проводил их мрачным взглядом и поплелся следом. После хора Синицына снисходительно позволила Женьке дотащить до дома ее портфель и пообещала, когда будет время, сходить с ним в парк.

Целую неделю Женька забрасывал Синицыну записками и был наверху блаженства. Каково же было его изумление, когда во вторник он увидел изменщицу рядом с Петуховым! У Женьки даже дар речи пропал, но

Ленка обернулась и многозначительно посмотрела на него через плечо, мол, не расстраивайся, ты же знаешь, что это для отвода глаз. Женька немного успокоился, но не настолько, чтобы оставлять Синицыну без присмотра.

Нельзя сказать, что он втянулся в ненавистные занятия, и все же не напрасно терпел пытку. Время от времени он проводил Ленку до дома, а на уроках они обменивались записками. Правда, на десять Женькиных посланий она отвечала одним, но его это не смущало.

Женька явился на хор даже в тот день, когда Синицына простудилась и не пришла в школу. Казалось бы, в этот день сразу после уроков он вполне мог отправиться домой наслаждаться жизнью. Но не тут-то было. Возле раздевалки был выставлен целый кордон учителей для отлова хористов. Под конвоем математички Женька добрал до актового зала.

Петухов угрюмо подпирал косяк двери, явно надеясь улучшить момент и дать дёру. Увидев Женьку, он язвительно усмехнулся:

— Что, захомутали?

— Меня? Еще чего! Я сам пришел. Мне вообще в кайф. По себе не суди. Небось самого заарканили, когда хотел сбежать? — огрызнулся Женька.

— Меня заарканили? Думай, чего несешь. Я, может, добровольно остался. И вообще, я от ежеиков тащусь, — сказал Петухов.

И они мрачно, бок о бок, прошествовали к сцене.

Так продолжалось почти два месяца, пока случай не открыл Женьке глаза на женское коварство.

Это случилось за неделю до концерта, где хор должен был продемонстрировать свое мастерство. После уроков в раздевалке Женька искал свою шапку. Не найдя пропажи на вешалках своего класса, он пошел посмотреть в соседней секции, когда вдруг его внимание привлек любопытный разговор, доносившийся из-за плотной стены висящих пальто. Услышав свою фамилию, Женька наострил уши. Судя по голосу, говорила Майка.

— Надо же! Москвичев с Петуховым ходят на хор. Никогда бы не поверила. Как тебе это удается?

— Легко. Они меня друг к другу ревнуют, вот один перед другим и старается, — сказала Синицына.

— Везет тебе, Ленка! Умеешь ты с мальчишками обращаться, — с завистью произнесла Майка.

— Это проще простого. Надо только время от времени вешать им лапшу на уши. Петухову, что он самый крутой, а Москвичеву, что он гений местного значения.

— А кто из них тебе больше нравится?

— Да никто! Между прочим, меня сам Вадик Груздев на день рождения пригласил! — похвалилась Ленка.

— Ты пойдешь?

— Конечно. Груздев — талант, не то что эти придурки. Кстати, он на концерте будет аккомпанировать.

Девчонки ушли, а Женька еще долго сидел в раздевалке, приходя в себя от потрясения. Значит, все его страдания напрасны! Он каждый вторник истязал себя хорошим пением, а Сеницына лишь посмеивалась над ним! Это был жестокий удар. Он жаждал мщения.

На следующий день Женька подошел к Петухову. Прежде они не дружили, но предательство Сеницыной сделало их союзниками.

— Слышь, Петух, поговорить надо с глазу на глаз. Насчет Сеницыной.

— Чо, драться будешь? Да я же тебя одной левой! — усмехнулся Петухов.

— Очень надо из-за нее драться. Она нас с тобой считает придурками, — сказал Женька.

— Не понял!

— Сейчас поймешь.

Женька в подробностях рассказал Петухову про козни Сеницыной и подслушанный разговор. Пока он говорил, по нахмуренной

физиономии Петухова было видно, как в его голове идет тяжелая работа мысли.

— Так что мы с тобой на хоре мучаемся, а она Груздеву глазки строит, — заключил Женька.

— Ни фиги себе прикол! Ну я ей покажу. И Груздю этому шайбу начищу! — пригрозил Петухов.

— А дальше что? Тебе же и достанется. Нет, кулаками тут не поможешь. Надо действовать с умом, — загадочно произнес Женька.

Оставшуюся неделю заговорщики посвятили подготовке к дню великой мести. На переменках они постоянно о чем-то шептались. Их активность не осталась незамеченной.

— Мальчики, о чем секретничаете? — с любопытством спросила Синицына.

— Сюрприз! — выпалил Женька и лучезарно улыбнулся.

На самом деле у них было заготовлено сюрпризов больше, чем у Деда Мороза под Новый год.

Во-первых, Женька купил в магазине приколов подушечку, которая, если на нее сесть, издает очень характерный неприличный звук. Он хотел оконфузить Груздева, когда тот своей тушей опустится на стул. Для Синицыной мститель припас большого лохма-

того паука. Он был сделан из пластмассы, но выглядел вполне натурально. Женька планировал подкинуть этого «симпатягу» Ленке за шиворот на сцене во время выступления.

Петухов тоже оказался не лыком шит. Он раздобыл старый, сломанный стул. Общими усилиями они сделали ему косметический ремонт, проще говоря, присобачили отломанную ножку так, чтобы она отвалилась не сразу, а продержалась какое-то время. После этого друзья по несчастью умудрились протащить стул в актовый зал и водрузить его возле пианино.

Но и на этом сюрпризы не заканчивались. В день выступления Юрка подошел к Женьке и заговорщически прошептал:

— Слушай, я такое притащил! Пойдем, покажу.

Судя по тому, как вспух обычно тощенький рюкзак Петухова, тот и впрямь притащил что-то грандиозное. Ребята нашли уединенное местечко под лестницей. Петухов открыл рюкзак и показал накрытый марлей баллон. В нем извивалась живая змея.

— Ты что, с ума сошел? Она же настоящая! — вытаращился Женька.

— Ну и что? Это же уж. Он безобидный. Клёвый прикол, а? — гордый своей придумкой, сказал Петухов.

— По-моему, лучше оставить паука, — предложил Женька.

Он не слишком жаловал ползучую живность и при одной мысли о том, что эта змеюка может случайно заползти к нему, ощущал себя неуютно.

Но Петух бурно запротестовал:

— Ты что! Представляешь, сколько визгу будет, когда Синица найдет змею у себя в портфеле? Твой паук может просто отдыхать! И потом, что я зря старался, что ли?

— А я что, зря деньги на паука тратил?! — в свою очередь возмутился Женька.

— Ладно, пускай паук тоже остается. Хорошего никогда не бывает много, — согласился Петухов.

Поднимаясь в актовъй зал, Женька заметил, что рюкзак Петухова сильно отоцал. Женьку так и подмывало узнать о судьбе тайного груза, но вокруг было слишком много ушей. Приходилось прибегать к конспирации. Женька догнал Петуха и, скосив глаза на рюкзак, коротко спросил:

— Где?

— Порядок, — проговорил Петухов и многозначительно посмотрел на сумку Синицыной.

Операция «Местъ Синице» началась.

К сожалению, даже самые лучшие планы имеют слабые стороны. Когда хористы

выстроились на помосте, заговорщики посмотрели на стоящий возле пианино стул и, к своему огорчению, заметили, что их детище, на которое они потратили полтюбика клея и час упорного труда, подменили. Женька заподозрил, что ножка у стула отвалилась преждевременно и ветерана школьной мебели снова вернули в подсобку, где он пребывал прежде. Исчезновение стула — полбеда, гораздо хуже было то, что подушечка испарилась вместе со стулом.

Не подозревая, какого конфуза он избегал, Груздев стоял возле пианино в ожидании начала выступления. Его самодовольная щекастая физиономия окончательно вывела Женьку из себя. Ишь сияет! Морда жирная, аж лоснится, никакой «Fairу» не справится. Обидно! Мало того, что этот откормленный вундеркинд ускользнул от мести, вдобавок кто-то стибрил прикольную подушечку, купленную Женькой на свои кровные деньги. Женька готов был лопнуть от злости, как вдруг его взгляд остекленел.

Мститель увидел злополучную подушечку и отчаянно пожалел о том, что ее не похитили. По закону подлости ей не нашлось другого места, как на стуле, возле которого стоял директор школы. Семен Михайлович привычно призвал зал к вниманию. Все смолкли. В ожидании предстоящего соло подушечки наступившая тишина показалась

Женьке особенно зловещей. Директор сделал знак учительнице пения, что можно начинать, и...

Женька зажмурился, но даже с закрытыми глазами у него не оставалось сомнений в том, что Семен Михайлович сел. В тишине звук был на редкость пронзительным. Приоткрыв глаз, Женька увидел, как директор приподнялся, посмотрел на стул и поднял злосчастную подушечку. В зале раздались смешки, но под суровым взглядом Семена Михайловича они тотчас смолкли. В воздухе запахло грозой.

Директор, безглаголиво держа подушечку за уголок, обвел зал пристальным взглядом, точно ожидал, что у злоумышленника на лбу высветится надпись: «Это сделал я». Все притихли, но, к счастью, директор решил не омрачать концерт мелкими разборками. Он бросил подушечку под стул и снова кивнул учительнице пения.

Женька вздохнул с облегчением. Он встретился взглядом с Петуховым. Тот стоял чуть поодаль, в последнем ряду. У заговорщиков оставалась одна надежда — на паука, но тут они с ужасом поняли, что и эта часть плана находится под угрозой. Само собой разумелось: поскольку паук Женькин, он его и подбросит, и только теперь стало ясно, что они просчитались. Женьке до Синицыной было ни за что не дотянуться, как говорится,

руки коротки, зато Петухов чуть ли не дышал ей в затылок.

Учительница пения взмахнула руками. Раздались вступительные аккорды, и хор ухнул про качели. Мстители обменялись многозначительными взглядами. Нужно было что-то срочно предпринимать. Женька прикинул расстояние между ним и Петуховым и решил, что дело вовсе не безнадежно. Между ними стояло всего пять человек. Если постараться, то паука можно передать. И Женька решился на отчаянный шаг. Он осторожно опустил на корточки и пополз в сторону Петухова.

В задних рядах возникло заметное оживление. Вылазка Москвичева вызвала у хористов неподдельный интерес. В основном народ был настроен благожелательно. С любопытством ожидая, чем закончатся эти маневры, и предвкушая небывалое развлечение, все, кто стоял у Женьки на пути, старались ужаться, чтобы дать ему возможность проползти. При этом хористы продолжали с каменными лицами горланить навязший в зубах шлягер с таким видом, что было ясно: за друга они пойдут не только в огонь и в воду, но и с радостью лягут на амбразуру.

И только Шмыгунову изменило чувство товарищества. Он до сих пор не мог простить бывшему экстрасенсу сеансов кодирования,

поэтому, когда Женька проползал мимо, Шмыгунов тихонько лягнул его в бок. От неожиданности Женька выронил паука, и тот — шлеп, шлеп! — перепрыгнул через ступеньку и плюхнулся к ногам Майки.

Как ни старайся, до него было не дотянуться. Женька с тоской посмотрел на последнюю надежду отомстить Синицыной и восстановить справедливость, и тут его охватила злость на вредного Шмыгу.

Женька со всей силы двинул Шмыгунова по коленке и тотчас понял, что лучше бы он этого не делал. Оказалось, что мебельный ветеран, которого мстители так любовно подготовили для Груздева, никуда не делся. Задний ряд хористов стоял не на помосте, а на приставных стульях, и злосчастный калека был в их ряду. Мало того, на нем стоял Шмыга. В тот момент, когда Шмыгунов дернулся для ответного пинка, ножка стула подломилась.

То, что произошло потом, надолго осталось в памяти школьников. Подобные легенды живут и передаются из поколения в поколение. Шмыгунов полетел на впереди стоящих, лихорадочно хватаясь за соседей. Те в свою очередь навалились на передний ряд. Боясь быть раздавленным, Женька отчаянно полез из кучи малы, при этом повалив тех, кто до сих пор умудрился устоять. После этого уже было не разобрать, кто встает, кто

падает, кто лягается, кто получает локтем в глаз. В общем, на правом фланге хора пошла нехилая колотилровка, к которой не преминула присоединиться часть левого фланга.

Пока жертвы искусства награждали друг друга тумаками, героический Петухов изловчился достать паука. Опасаясь, что лучшего момента не представится, он кинул пауком в Синицыну, но тот срикошетил и, отлетев в сторону, плюхнулся на голову Майке. И тут раздался такой визг, что Витас обзавидовался бы. Это было лучшим номером концерта.

В общем, выступление хора прошло на ура. Народ аплодировал в исступлении. Даже если бы выступали все звезды эстрады, они не получили бы более жарких оваций.

На следующий день в школе было только и разговоров, что о концерте. Правда, Москвичеву с Петуховым крепко досталось за то, что они сорвали выступление, но во всей этой истории были и приятные стороны. Во-первых, что ни говори, а к ним пришла всенародная слава. О них узнали даже старшеклассники. А во-вторых, ходить на хор их больше не заставляли.

Обидно, конечно, что Синицына вышла сухой из воды. Даже уж, которого Петухов собственноручно подбросил ей в портфель, куда-

то уполз. Мстители головы сломали: куда он мог деться?

Впрочем, на следующий день эта загадка была раскрыта. По школе разнесся леденящий душу рассказ о том, как математичка обнаружила в ящике письменного стола спящую змею. Потом было долгое выяснение, но руководство школы так и не дозналось, откуда она взялась.

К счастью, Женькиного класса разбирательство не коснулось. Никому и в голову не пришло, что во всей школе было лишь два человека, которые могли пролить свет на эту тайну, но они поскромничали и предпочли промолчать.

«ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ»

помню чудное мгновенье...»

Хорошо было Пушкину! Ему в любви везло. Может, на его месте, меня бы тоже вдохновение прошибло и я бы еще не то написал. А тут, пока мы корпим над романами классиков, дни пробегают бесполезно и жизнь проходит мимо. Если так пойдет и дальше, то, когда наступит старость и мою голову убелят седины, вспомнить будет нечего. Пора бы как-то определиться.

Литераторша прочно села на своего конька и вещала про великого поэта. Весь класс внимал ее рассказу, а я огляделся в поисках достойной кандидатуры.

За первой партой сидит Ленка. Внешне она соответствует: и лицо, и фигура. Но с ней не о чем поговорить. Ей бы только книжки читать и по театрам ходить. Никакого кругозора.

Нинка выглядит неплохо, но она — скала. К ней и Лешка, и Толян, и Мишка подка-
тывали. Мишка ее даже в кино водил и
шоколадками кормил, а она ноль внимания.

Светка — тоже не вариант. У нее плеер
не выключается. Наушники, наверное, уже
к ушам приросли. А главное, она такую попу
слушает, что уши вянут и зубы сводит от
негодования.

Полинка — в каждой бочке затычка. Она
и поет, и танцует, и стихи пишет. Ее по-
дружка Ирка под стать Полинке. Два сапога
пара. Та тоже на музыку ходит, и на танцы,
и на английский. Когда они вдвоем стреми-
тельной походкой направляются из кабинета
в кабинет, то от их мощной энергии по ко-
ридору аж сквозняк проносится и людей к
стенкам прижимает.

У Маринки ноги от ушей, зато такое лицо,
как будто она в детстве сильно удивилась, и с
тех пор у нее глаза никак в орбиты не вернутся.

Когда урок подошел к концу и прозвенел
звонок, я понял, что в нашем классе мои
шансы стать современным Пушкиным равны
нулю. Вот такие вот «и божество, и вдохно-
венье, и жизнь, и слезы, и любовь»!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Крюкова. Кем я не стала, или Как я пришла к писательству</i>	5
Человек нового типа	9
Собака Баскервилей	20
Дежурство	36
Стражи порядка	49
Борец за права	59
Хор	70
«Чудное мгновенье»	92

Литературно-художественное издание

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Крюкова Тамара Шамильевна

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Рассказы

Ответственный редактор

Н. Е. Дубань

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Н. Г. Дреничева

Корректоры

В. В. Борисова, О. И. Голева

Компьютерный дизайн

Б. Е. Котырев

Компьютерная верстка

В. И. Тушева

Сдано в набор 23.08.07. Подписано в печать 08.10.07. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04.
Уч.-изд. л. 2,95. Тираж 5000 экз. Заказ .

Орден Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
ОАО «Издательство «Детская литература».
125319, Москва, ул. Черняховского, 4
[www. detlit.ru](http://www.detlit.ru)